

ПОЕДИНОК

“Внимание!” — радиоволной по группе пролетел сигнал. Разведчики, не прекращая движения, мгновенно растворились в зелёных зарослях местных кустов и кронах деревьев. Тропка, по которой только что двигались люди в камуфлированной форме, опустела, и только примятая берцами трава выдавала прошедших здесь путников.

Дозорная группа, оцетинившись веером автоматов, сидя осматривала зелёнку. Что не понравилось их старшему, сержанту Соватееву, оставалось загадкой. Но это их и не касалось. Они четверо вели основную группу разведчиков, ещё одна четвёрка под руководством прапорщика Каверина прикрывала тыл.

— Что там у вас? — тихо в микрофон запросил дозорных старший лейтенант, командир всей разведгруппы. — Сова, что там?

Рация молчала. Передовая группа мониторила лежащую впереди местность. Старлей знал об этом, и всё же не утерпел:

— Сова, как принял?

— Что-то не так, командир! — прозвучал смешанный с помехами далёкий голос сержанта Соватеева.

Передовой дозор — глаза и уши разведгруппы. Сейчас он, осматривая лесистый склон впереди, должен был определить, возможно ли двигаться дальше, или стоит поменять маршрут. Впрочем, это штатная ситуация, когда передовая подгруппа не доверяет безмятежности пейзажа и спокойному

пению птиц. Здесь включается ещё один ресурс, который разведчик имеет помимо зрения, слуха и обоняния: это чувство номер шесть. Разведчики, не раз ходившие на задания, предугадываю опасность на подсознательном уровне. Внутреннее чутьё тоже не безошибочно, но недоверие к нему дорого обходится.

Сова знал своё дело, и старлей ему доверял.

— Ну, давай оттянемся и поменяем маршрут, если сомневаешься.

— Сейчас, ещё осмотрюсь, — донёлся голос Совы.

— Давай, Совушка, давай, милый, смотри, — шутливо произнёс старлей и, отпустив тангенту радици, обернулся к радисту с позывным “Диод”. С приоткрытым ртом Диод внимательно смотрел на командира, в его взгляде угадывалось волнение. Радист первый раз вышел в разведку, всё было ново для него, всё представлялось опасным. — Что смотришь?

Тот неуверенно пожал плечами и отвернулся.

— Не трать энергию на страх, рядовой Волнин, — похлопал командир Диода по плечу, — береги её на выполнение боевой задачи. А твоя боевая задача яка?

— Чтоб исправная была радиостанция, товарищ старший лейтенант, — выпалил Волнин ответ на риторический вопрос командира.

— А для этого должен быть ты исправен, Диодик, — командир, продолжая пятиминутку психологической поддержки, похлопал бойца по плечу. — А ты тухнешь от каждого шухера.

— Вайфай, Вайфай, я Сова, приём! — наушники завибрировали, передавая радиосигнал.

— Что у тебя, Сова? — отозвался старший лейтенант.

— Наблюдаю движение. Группа, человек пять насчитал, но, скорее всего, больше. Метрах в тридцати от нас.

— Куда направляются? Какое вооружение?

— Чем вооружены, не вижу. Идут... а, нет, крадутся... Ага, занимают позиции. Похоже, нам встречу готовят. По наши души ребята. Как понял?

— Тебя понял, Сова. Скрытно подтягивайся к нам, будем отходить, — распорядился старлей. — Кава. Как слышал?

— Все слышал, Вайфай, — отшумел в динамике прапорщик Каверин.

— Давай, переходи в режим головного дозора. Будем оттягиваться.

Старлей поднял вверх руку и подал условный сигнал. Группа, перестроившись, начала отходить по уже пройденному маршруту. Старлей понимал, что сейчас те, кто ищет встречи с ними или с кем-то другим, направляются в их сторону и рано или поздно обнаружат следы. Надо менять маршрут и увеличивать ход. Пока есть возможность избежать боестолкновения.

В этот момент тишину рассекли автоматные очереди, тут же перешедшие в общий рокот перестрелки.

— Вайфай, это Кава! Нарвались чуть ли не в упор!

— Потери?

— ... Потерь нет.

— Уже хорошо. Оттянитесь назад, к нам! — крикнул в микрофон старлей. И, больше не скрываясь, скомандовал группе:

— Занять круговую оборону!

В голове у старлея проявилась нерадужная картина происходящего: нас ждали впереди и поджали сзади, нас вычислили или кто-то сдал маршрут группы, хотя это маловероятно: кроме меня, маршрут никто не знал. Скорее всего, мы сами где-то засветились.

Стрельба то нарастала, то стихала. Разведчики группы Каверина ответным огнём прижали противника к земле и, прикрывая друг друга одиночными выстрелами и короткими очередями, начали отходить к основной группе. Патроны надо было беречь. Бородачи тоже не особо тратили боеприпасы, но поддерживали постоянный огонь, постепенно зажимая федералов в клещи.

Голос старлея теперь почти непрерывно звучал в наушниках бойцов, давая команды. Иногда старлей делал паузу, чтобы принять информацию. И вновь его голос долетал до подчинённых, которые ловили каждое слово командира, как будто это фишка пазла, представляющего спасительную картину

солдатской фортуны. Вот-вот пазл сложится, и они чудесным образом уйдут от преследователей.

Как это азартно и в то же время страшно — не оправдать надежды ребят, не защитить их, ошибиться в решении, принятом за долю секунды, на основе опыта, полученного за время службы на Кавказе.

— Сова, я Вайфай... Сова, я Вайфай... — вызывал старлей старшего головного дозора, его голос перемешивался с автоматной стрельбой, которую время от времени разбавляли гранатные взрывы, будто знаки препинания, расставляемые в тексте перестрелки.

— Да здесь я, — из-за спины старлей отозвался Сова, с деловым видом забывая в магазин патроны.

— О, ты уже отступаешь?! — попытался перекричать стрельбу старлей.

— По-моему, мы все немножечко отступаем, — отшутился Сова, засовывая полный магазин в карман разгрузочного жилета. Он открыл рот, чтобы ещё что-то добавить, но взметнувшаяся вверх от автоматной очереди земля ударила ему в лицо. Сова по инерции сжался, втянул голову в плечи, сморщился и начал отплевываться, одновременно вытирая лицо рукавом.

— Что? Не нравится, когда перебивают? — поддел его старлей.

Сова проворкотал что-то нечленораздельное, и старлей продолжал уже серьезно:

— Давай, хватит гостей намывать. Хватай своих и — вниз по склону, ищи проход. Мы за тобой сейчас будем оттягиваться. Понял?

— Понял, понял. — Сова резво по-пластунски исчез в кустах.

Разведгруппа начала уходить вниз по склону холма, извиваясь змейкой в узком пространстве горно-лесистого ландшафта, ища лазейку, которая ещё не была заблокирована противником. Бойцы где перебежали, а где ящерицей переползали от укрытия к укрытию, огрызаясь автоматным огнём из высокой травы.

Впрочем, исход этой схватки был уже предрешён.

Из сложной ситуации люди обычно выходят по мере своих возможностей и навыков: кто-то до последнего взбивает масло, а кто-то предпочитает отпустить всё по формуле “будь что будет”. И в том, и в другом случае всегда на что-то надеясь.

Склон, по которому отходили разведчики, оканчивался обрывом. Сова со своими ребятами, как бешеный, метался вдоль пропасти, пытаясь найти хоть какой-то мало-мальски возможный спуск. Основная группа организованно отходила к краю склона — ещё минут двадцать, и они будут прижаты к горизонту. Появились первые раненые.

Неожиданно стрельба со стороны борцов за свободу Ичкерии прекратилась.

— Вот это сюрприз, — повернулся старлей к подползающему Каве. — Что, Паша, думаешь, недоброе что-то задумали наши оппоненты?

— Да, командир, недоброе они уже сделали — загнали нас в сортир. А теперь уж и не знаю. Предлагаю выбираться отсюда.

— Сейчас там Сова на краю что-то соображает.

Их разговор прервали.

— Эй, командир! Давай поговорим! — вдруг раздался крик со стороны противника. Старлей в недоумении переглянулся с Кавериным. — Эй, пострелять всегда успеем! Поговорим давай! — продолжали выкрикивать с той стороны. — Выходи на середину поляны, поговорим.

— А ты кто? — старлей решил потянуть время. — С кем я говорить буду?

— Со мной будешь говорить. Со мной, Хасаном, командиром этих славных воинов, которые загнали тебя в угол, как зверя, залезшего в чужой сарай.

— Подумать надо, — отозвался старлей.

Хасан по прозвищу Егерь был известен тем, что умело охотился на разведгруппы, а за взятых в плен солдат предпочитал брать выкуп.

— Подумай, подумай, командир. Пять минут тебе хватит?

— Хватит, — старлей вопросительно повернулся к прапорщику.

Тот смотрел на него с напряжением, плотно сжав засохшие потрескавшиеся губы; лоб, покрытый мелкой рябью пота, морщился, смешивая солёную влагу в складках кожи с осевшей там пылью; грязевые капельки сползали по лицу.

— Не ходи, командир. Знаешь же, чем это всё может кончиться, — попытался переубедить старшего лейтенанта Каверин. — Хотят тебя кончить, а ребят в панику ударить, чтобы легче нас размазать. А так....

— Ща, Паха, — перебил Каверина старлей, — я вижу, у тебя и без чехов паника на носу пляшет. — Он достал из планшета карту. Кава молча смотрел на командира. Старлей оглядел пацанов, их позиции и повернулся к раскрытой карте. — Слушай сюда, Паха, — старлей легонько хлопнул Каверина по плечу, чтобы привлечь внимание и чтобы сгладить предыдущие обидные слова. Кава знал повадки старлей и особо не обижался. Они оба понимали, что происходит.

— Вот видишь, вот, ленточка?

— Ага. — Каверин смотрел, как нож Вайфая, из воронёного металла, с широким лезвием, кончиком скользит по карте вдоль изгибов синей ниточки-речки.

— Эта река — ориентир, по ней уйдёте. Выйдете в эту точку, — ножик старлей перемещался по карте, указывая географические ориентиры, — там свяжешься с нашими... В общем, сам всё знаешь.

— Как нам выйти на ленточку? Нас зажали.

— За камнем на обрыве, — командир указал на одинокую глыбу позади них, — Сова организовал спуск, навязал верёвки, так что уйдёте. Как только поймёшь, что мне тридцать, открываете огонь и шустро за камень, по верёвкам вниз, с собой только боекомплект, всё остальное бросаете, ясно? — командир в упор посмотрел на прапорщика. — Что молчишь, мне нужен мужской ответ.

— Да понял я, Иван Саньч, — голос Паши прозвучал твёрдо, только щека дёрнулась и глаза сузились.

— На, возьми, — старлей протянул помощнику карту. — И давай уже частично эвакуируй группу, пока я разговариваю. Оставь здесь только прикрытие. И тихо, без шума.

Командир ещё раз бегло оглядел позиции своих бойцов. Разведчики готовились подороже отдать свои жизни. Старлей не заметил в них ни страха, ни неуверенности. Некоторые из ребят поглядывали в сторону командира с прапорщиком, выдавая общее желание узнать: что сделает командир? Что он ответит? Как он поступит?

— Ну что, командир, подумал? — Голос чеченца звучал весело и надменно.

Паша, положив ладонь на предплечье Саньча, сжал пальцы. Старлей накрыл его руку своей и слегка кивнул. Поджав губы, резко отстранил Пашину руку. Старлей и Паша одновременно отвели взгляды друг от друга, и оба как бы невзначай остановили их на листке дикого кустарника, по которому медленно, неуверенно скатывалась, набирая силу, прозрачная капелька — маленькая частичка утренней росы. Капелька на мгновение задержалась на стрелке листа, не сразу решившись спрыгнуть на землю. И, попросившись с недавним пристанищем, сорвалась вниз, как чистая слеза, падающая с женского лица.

— Подумал.

— И что подумал?

— Да давай погутарим.

— Погутарим? Ха, давно такого слова не слышал. Ну, выходи на середину поляны. Оружие можешь не брать, оно всё равно не поможет. Давай, выходи.

— Выхожу! — выкрикнул старлей, скидывая с себя разгрузочную систему. Положил перед Кавой свой автомат, пистолет и ножик:

— Забери себе!

— Сам заберёшь, когда вернёшься, — нагло осклабился Каверин.

Саньч аж вскинул на него глаза — от такой несубординации:

— Ты что, дядя, забыл, кого бояться?

Паша улыбнулся. Они были благодарны друг другу за эти полушутки, за иронию, поддерживавшую их в трудную минуту. Бойцы, увидав, как скалятся командиры, тоже оживились, заёрзали на своих позициях от радостного ощущения, что всё идёт хорошо.

— На, возьми, на всякий случай. — Прапорщик протянул командиру гранату. Старлей молча взял её и засунул в карман.

Маленькая группа разведки, находящаяся где-то в горно-лесистой местности Чечни, зажатая в клещах боевиков, без права на помощь, ...и с надеждой на то, что их останки когда-нибудь найдут и предадут родной земле... Хуже расклада не придумаешь.

На поляне его ждал полевой чеченский командир. В новом американском камуфлированном костюме. На голове — кепка такой же расцветки. Руки скрещены на груди, ноги широко расставлены. Он стоял, покачиваясь взад-вперёд, пристально разглядывая выходящего к нему старлея. Что-то было в чеченце знакомое, смутно припоминалось.

— О чём хотел поговорить?

Чеченец молчал, смотрел. Пауза затянулась.

— Ваня?! — неожиданно нарушил молчание боевик. — Ваня — это ты?

— Да, меня так зовут.

— Вань, ты забыл меня? Я — Хасан. Ну... Хасан. Вспоминай. — Чеченец встал в боксёрскую стойку. Прикрываясь руками, начал изображать уклёны.

Старлей вспомнил его: крепкий малый, невысокого роста, слегка косолапая походка, непропорционально длинные руки, волевой подбородок, тёмно-карие, слегка прищуренные глаза, источающие неприличную уверенность, нос с горбинкой, плотно сжатые тонкие губы и рыжая шевелюра. А теперь и борода. Говорят, рыжий цвет волос — признак чистокровного чеченца. Всё тот же Хасан, почти не изменился, только налёт жёсткости появился на лице.

Они встречались два раза, на соревнованиях по боксу, там и завязалось их знакомство. Встречи эти вышли нелепыми. В первый раз, на юношеских состязаниях, у них получилась ничья по очкам. Второй раз, отстаивая честь своих военных училищ на армейских соревнованиях, оба вышли в финал. Но Хасан в запале боя случайно задел рефери, и его дисквалифицировали. Победу присудили Ивану.

— Ваня, здравствуй, дорогой! Не ожидал, не ожидал! Какими судьбами? — радостно развёл руки в стороны Хасан.

— Такими же, какими и ты! — скрывая удивление, немного вызывающе ответил Иван.

— Ай, какая радость!

— Для кого? Для тебя?

— А, ты про это? — Хасан указал на своих боевиков и разведчиков. — Это война, Ваня. Неужели ты думал, заходя в мой лес, что будешь по нему спокойно гулять, возьмёшь в плен всю бригаду Хасана и получишь медаль?

— О чём ты хотел поговорить?

— Изменился ты, Ваня. Злым стал. А ты знаешь, это даже хорошо, что я встретил тебя. Нам будет проще договориться.

Старлей напрягся. Сейчас может последовать условие, которое ему придётся принять или отказаться от него. Пойти на сделку с совестью и офицерской честью, если предложение окажется хоть сколько-то приемлемым. Или надеяться на чудо — что Паха успеет увести ребят, оторваться от преследования, выйти к своим. А если не уйдут? Да не, должны, всё будет у них хорошо. О том, что станет с ним самим, он пытался не думать, его внутреннее напряжение перевело чувство самосохранения в режим "уже всё равно". В кармане, тяжестью своего присутствия — как говорится, "чем могу" — морально поддерживала граната. Спасительница его чести, сигнал для ребят, отвлекающий, хоть и ненадолго, адский мячик в металлической оболочке, его подруга мести, последняя точка в его судьбе, последний свидетель его конца. Человек и граната объединятся в одно целое и разлетятся на части, одновременно покидая этот мир и на лету разя врагов. Это будет их общий

реванш. Его душа и внутренняя энергия этого шарика, высвобождаемая сгорающим тротилом, одновременно взлетят вверх. Только плазма его железной подруги всё-таки отстанет где-то там, внизу, а он будет лететь дальше, выше небес, и потом по ситуации — куда направят...

— Ты меня слышишь? — прервал размышления старлей Хасан. — Или заснул?

Хасан рассмеялся.

— Нет, слушаю!

— Так я повторю: я предлагаю тебе решить наш давний спор.

Полевой командир смотрел на старлей с вопросительной ухмылкой.

— Спор — это не совсем подходящее слово, — бросил Иван.

— Мы с тобой встречались на ринге два раза, и каждый раз, по разным причинам, у нас дело не доходило до конца. Закроем вопрос? — Хасан взглянул на Ивана уже серьёзно, без улыбки. — На кону твоя команда. Естественно, если ты победишь, я даю вам коридор и не буду преследовать.

— А если я проиграю бой?

— Вы сложите оружие, и я гарантирую вам жизнь.

— В зиндане?

— Ваня, по-моему, всё честно. Я не хочу крови, но если ты мне не оставишь выбора, я сделаю то, что умею лучше всего.

— Мне надо подумать.

— Ты много сегодня думаешь, Вань. Думать надо было, когда завёл своих пацанов в западню, а сейчас надо пользоваться шансом, который тебе дают.

— Почему тебе просто не уничтожить нашу группу? — старлей тянул время и обдумывал неожиданное предложение.

— Ты знаешь мои методы и что говорят про меня. Меня не интересуют головы федералов.

— Я согласен, — неожиданно сказал старлей. — Надо только скинуть кое-что с себя.

— Конечно, скинь, и не забудь вытащить гранату из кармана, а то мешаться будет. — Хасан улыбнулся.

Ивану сделалось не по себе: всё это время Хасан знал о гранате, он её визуально вычислил, скорее всего, сразу же. Чеченец читал его, как книгу.

— Будем спарринговаться на этой же поляне, — решил Хасан.

— Кто рефери?

— Рефери не будет, будет Мага, — командир боевиков указал на своего помощника, который наблюдал за ними из ближайших кустов. — Боксируем до нокаута, либо... Ну, в общем, тот и проиграл.

— А твои не сорвутся после твоего аута?

— Ваня, — Хасан рассмеялся, — не сорвутся, я их предупрежу, это честный бой. Своих предупреди об условиях, а то с перепугу начнут палить.

— За моих не беспокойся, — Иван направился к позициям своих ребят. Хасан развернулся и пошёл к своим. Поговорил, вернулся. Бойцы заняли позиции, стали в стойки. Мага взглянул на обоих боксёров и махнул рукой:

— Бокс!

Обменялись первыми одиночными ударами. Оба, легко подтанцовывая на ногах, подсакивали друг к другу, били, уклонялись, пригибались, отсакивали в сторону.

Понемногу противники разогрелись. Удары пошли сериями — по два, по три. Поддавшись запалу боя, закружились в боксёрском степе. Голье кулаки попадали по рёбрам, по голове. Заблокировав удар противника, каждый тут же сам переходил в атаку: поднырнув, наносил апперкот с добавкой боковых ударов.

Завораживающее зрелище. Со всех сторон из кустов на боксёров смотрели зрители, поддавшись спортивному азарту, на время забыв о войне. Каждый переживал за своего командира. Соперники не уступали друг другу в мастерстве. Никто из них ещё не добился в бою перевеса. Оба уже начали уставать. Их лица и кулаки были испачканы кровью.

Иван, отскочив, спиной уперся в неожиданную преграду — ствол дерева. Вслед ему уже летел крепкий кулак. Нырок, и мясистый молот отщепил кусок коры с того места, где только что была голова старлея. Вторая рука метнулась исправить ошибку первой, но тело атакующего сотрясла серия сильных ударов в корпус. Уйдя от удара нырком под руку, прижатый к дереву противник обнаружил открытое место в защите нападающего и вложил все силы в удары по рёбрам.

Вехлипнув, раздетый по пояс боксёр подсел на колено и тут же упал. Его соперник, тяжело дыша, взглянул на побеждённого, затем на подходящего к ним Магу и медленно опустил руки.

Хасан лежал на земле, упершись головой и левым плечом в листву, с подтянутыми к телу ногами, руки прижаты ладонями к правому боку. Он дышал прерывисто и хрипло, глаза полузакрыты.

Вот он начал потихоньку расправляться, присел на одно колено, всё так же продолжая держаться за повреждённые ребра. Посмотрел снизу вверх на Ивана. Тот стоял, упершись руками в колени, слегка покачиваясь.

— Ну, что... Твоя взяла, — прохрипел Хасан. — Помоги встать, — обратился он к телохранителю. Мага покорно наклонился, подхватил своего командира аккуратно за локти и приподнял, одновременно что-то прошептал ему на ухо. Хасан слегка кивнул ему.

— Ну что, наша сделка в силе? — без эмоций в голосе спросил старлей. — Или ты хозяин своего слова по принципу: слово дал — слово забрал?

— Уговор есть уговор. Победа твоя. Забирай свою банду и уходи. — Хасан сморщился от боли, неосторожно шевельнувшись, и добавил:

— Тем более, твой уже наполовину спустился по склону.

— Так заметно? — Иван вздрогнул.

— Ваня, я тебя обложил. Внизу у меня секреты, твои салаги давно в прицелах моих снайперов.

— Ты же сказал уходить. — По спине старлея пробежал холодок, какая-то безнадежность обхватила его тело и потянула вниз.

Формально он их отпустил, но кто виноват, что мы так медленно и заметно перемещаемся... Сейчас он даст отмашку, и все, кто уже внизу... Злость мгновенно заволокла мозг. Сколько же её может быть у человека? Казалось, что сегодня он уже её всю выработал. Но нет, вот ещё одну порцию выделяет организм, как яд у змеи.

— Расслабься, — успокаивающе произнёс Хасан. — И ты расслабься, Мага, — приказал он своему телохранителю, который, заметив, как лицо Ивана перекосилось от злости, приподнял автомат стволом в сторону старлея. — Иди, а то Мага начинает уже нервничать. — Хасан похлопал своего помощника по плечу. — У тебя, Ваня, три часа. Потом я пускаю по твоему следу ищущих славы командиров. С ними ты уже не договоришься. Если только сам не отдашь им все свои уши, сразу на верёвочке. И то этого будет, наверное, мало для них.

Хасан ощерился. С позиций боевиков послышались смешки. Мага, бдительно наблюдая за обстановкой, оставался непроницаем. Иван слегка кивнул Хасану, сделал пару шагов спиной к своим позициям, потом медленно развернулся и направился к кустам. Где-то там его ждёт группа бойцов, которая должна прикрывать основную группу, спускающуюся вниз.

— Эй, Вань.

Старлей резко остановился. Повернулся влоборота к боевику, выжидательно посмотрел на него.

— Хороший был спарринг, Вань.

— Хм, — офицер ухмыльнулся. — Прощай, Хасан.

— Не зарекайся, Ваня.

Старлей исчез в кустах. Хасан в сопровождении помощника удалился к своим. Поляна опустела, и только глубокие следы армейских ботинок, отпечатавшихся на сырой земле, да вмятая в неё листва, оставались свидетелями поединка.

Пару месяцев спустя старший лейтенант Иван Александрович Стрешков заехал в бригады, чтобы получить отпускные документы. Впереди его ждали

полтора месяца домашнего уюта у родителей в деревне. Выскочив на крыльях из здания штаба, Иван направился к машине, ожидавшей его возле контрольно-пропускного пункта. Старлей похлопал по нагрудному карману, на всякий случай проверяя, на месте ли документы.

Тут он заметил, что ему наперерез направляется комбриг с какой-то делегацией. Что за чёрт? “Табурет...” Как мне везёт! Спокойно не уедешь в отпуск. Откуда он здесь взялся? Этот упырь просто так никого не отпустит, вечно что-нибудь придумает. А уж я-то, без дела шляющийся по бригаде офицер, — это просто подарок для него. Как минимум, план работы “отсюда и до обеда”, с обязательным рапортом об исполнении, я уже заработал. Отъезд в родные края под угрозой. Но делать нечего, пойдём на прорыв, он меня и так уже заметил, глупо будет сейчас влиять, как заяц по ровным дорожкам с перпендикулярными развязками. Это доставит ему ещё большее удовольствие, а мне — сомнительную славу, с подачи этого душегуба, и надо мной будет ржать “самый последний фуриштатский солдат”, как говаривал Лев Толстой.

Но что-то показалось необычным в компании, возглавляемой Табуретом. Компания приближалась. Иван пробежал глазами по всем лицам, и вдруг его как молния пронзила. Он просто ошалел. Рука его машинально взлетела вверх, отдавая воинское приветствие полковнику. Но взор старлея был обращён не к начальству, а к сопровождающим его людям в камуфлированной форме.

— Товарищ старший лейтенант, из какой роты? Почему не на занятиях? — накинулся тут же Табурет на Стрешкова. Но тот его даже не услышал, он смотрел на одного из спутников полковника.

— Вы что, оглохли, старлей?! — рявкнул полковник.

— О, Ваня, здравствуй, дорогой, здравствуй, — с неподдельной радостью протянул Ивану руку Хасан. — Полковник, я вам рассказывал про этого геройского офицера. Помните?

Теперь пришло время Табурета прийти в недоумение. Он закивал головой, приговаривая:

— Да, да, конечно.

Иван, не торопясь, пожал руку Хасану. А тот так и сиял от счастья:

— Вот видишь, Вань, говорил же, что встретимся, — и, повернувшись к комбригу, бросил: — Идите, я вас сейчас догоню, дорогу я знаю. И ты, Мага, иди. Мне здесь ничто не угрожает.

Иван только сейчас увидел Магу. Тот молча развернулся и пошёл вслед за делегацией к штабу.

— Да уж, умеешь ты удивлять, — нейтральным тоном произнёс Иван.

— Вижу немой вопрос, — не скрывая гордости, отозвался Хасан.

— Да, хотелось бы знать, каким ветром тебя занесло на этот уровень.

— Я перешёл на вашу сторону. Долго же пришлось вести переговоры с федералами. Объяснять, что я пересмотрел свои взгляды на жизнь и понял: мне с бандитами не по пути. Под конец переговоров оставалось сделать такой финт, подтвердить мои добрые намерения. И твоя разведгруппа мне в этом помогла. Я показал, что не убиваю федералов, а помогаю им.

Иван поморщился. Неприятно осознавать, что тебя использовали в своих интересах, когда ты думал, что все серьёзно и по-настоящему. От злости он сжал кулаки и двинулся на полевого чеченского командира. Тот ловко отскочил в сторону:

— Оу, оу, стой, утомись, мы не на ринге.

— Ты всё запланировал, ты решил проиграть мне...

— ...И в то же время показать своим воинам, что бой настоящий, — договорил за Ивана Хасан. — Не забывай, я контролировал этот бой, чтобы сохранить вам жизни.

В сердцах Иван развернулся и пошёл прочь. Настроение накануне поездки домой было испорчено. Одно успокаивало: чтобы реализовать свои замыслы, Хасан сохранил разведгруппу старлея.

— Эй, командир! — Хасан окликнул ещё не успевшего далеко уйти Ивана.

Старлей остановился, обернулся в его сторону.

— С тебя спарринг, Ваня! Мы не закончили наш спор!

— Тогда начинай тренироваться! — бросил Иван.

ДЕРЖИ ДИСТАНЦИЮ!

Ноги легко несли Бориса домой. Казалось бы, после такой тренировки будет тяжело, однако силы оставались.

Сегодня его тренер Сергей Александрович после хорошей разминки разбил ребят на группы и, пока они наматывали на руки бинты и надевали перчатки, объяснил план занятия. Каждый должен сменить трёх спарринг-партнёров и с каждым бороться по минуте, а потом — минута отдыха. И так пять кругов вольного боя. Не в полную силу, а процентов на семьдесят. Каждая схватка начиналась у Бориса одинаково: он мощным напором атаковал напарника, подавлял его с флангов, отрезал пути отхода, зажимал его в углу ринга и там уже методично расстреливал дальними прямыми ударами, а порой переходил и на ближнюю дистанцию.

Тренер внимательно наблюдал за своими учениками и делал замечания: то криком, тем самым придавая ускорение и стремление в атаке, то мягко, по-отечески подсказывая, а то просто хвалил — для закрепления хорошо проведённого приёма.

— Боря! Тише, тише! Не надо его убивать! Дай Славе сообразить, как лучше защищаться. Дай ему тоже поработать, — напутствовал тренер.

Это одёргивало Бориса, хотя ненадолго. И он опять увлеклся атакой. Нельзя сказать, что Борис упивался своей ловкостью и преимуществом над партнёром, — просто всё шло как-то по накатанной: перед ним “муляж соперника”, и он просто отработывает на нём серии ударов, уходит и снова нападает.

С последним спарринг-партнёром — невысокого роста парнем — пришлось держаться на расстоянии вытянутой руки. Тот не мог достать Бориса, но, расслабившись, частенько сближался с ним. И каждый раз, когда Борис атаковал его на ближней дистанции, противник умудрялся нанести ему серию ответных ударов, что ещё больше распаляло. Тренер уже несколько раз подходил к Борису с замечаниями:

— Боря, держи дистанцию! Боря, где дистанция?! Боря, ты видишь — он тебе втыкает? Держи дистанцию, я тебе говорю!

В свои двадцать два года, по мнению тренера, Борис подавал надежды в боксе.

— Боря, етишкин свет, я кому говорю про дистанцию?! Ты меня слышишь? Ау! Боря, сынок... ди-стан-ци-я!

Теперь он шёл по улице, вспоминая сегодняшнюю тренировку и находя наслаждение в спокойном размеренном шаге, в том, что на плече висит спортивная сумка с мокрой формой и перчатками. Погружённый в свои мысли, он подошёл к арке, за которой родной дом и двор. Борис спокойно завернул в арку, и его взору открылась следующая картина: трое парней — двое “дохленьких”, ничем не выдающихся, а третий повыше и покрепче — отбирали сумочку у девушки. Та сопротивлялась, то и дело посылала в их адрес матюки, за что тут же получала пощёчины от самого крупного из парней, кричавшего:

— За метлой следи, овца!

— Деньги где? Что молчишь, конченная? — подключился к разговору один из “дохлых”. Второй в это время пытался вырвать из рук симпатичной девушки сумочку.

Сначала он вырубил крепыша, “дохлые” сами разбегутся, а потом проводит девушку домой. Подойдя совсем близко, Борис обратился к компаньке:

— Эй, братва, может, оставим девушку в покое? А? — Борис сбросил сумку с плеча на дорогу и изобразил снисходительную улыбку.

Парни обернулись на голос. Крепыш ответил:

— Пошёл на хрен, ушлёпок!

Девушка с любопытством наблюдала за происходящим, вовсе не собираясь убежать.

— Те чо надо, шляпа? — сказал крепьш и протянул в сторону Бориса руку, чтобы схватить его за шею. А дальше всё произошло мгновенно. Борис ловко поднырнул под протянутую руку и, выскочив с другой стороны, правым боковым в челюсть отправил крепьша в нокаут. Пока тот падал, Борис успел нанести ему ещё пару ударов вдогонку. Одновременно боковым зрением оценил расстояние до двух других и развернулся к ближайшему. В голове мелькнуло: “Почему они ещё здесь?”

Резким движением Борис сократил расстояние к следующей жертве, и... В мозгу будто что-то вспыхнуло, в глазах потемнело, в паху взорвалась парализующая все мышцы боль. Его согнуло пополам, и сильный толчок опрокинул на асфальт. Мужские кроссовки зачастили по животу, груди, ногам и спине Бориса, а женские туфельки норовили своими носками попасть по лицу. Было даже не столько больно, сколько неприятно, неудобно. Боль от паха распозлзлась к животу и спине и вернулась назад — к месту, откуда она начала своё путешествие по телу.

Борис сжался в комок, закрыв руками лицо, и по возможности прикрывал локтями бока и живот. Двое недооценённых боксёром жилистых парней охаживали его по кругу, приговаривая:

— Вот тварина, сейчас раскатаем тебя! Получай, козёл, теперь по полной за Коляна! Что, Конченная, как он?

Девушка, немного попинав с остервенением Борю и посылая ему в лицо свои “приветы”, подошла к здоровяку, который уже начал приходить в себя.

— Колян, ты как? Миленький, тебе больно? Я ему нахлестала по хайду! А Пача ему в яйца так зарядил, что вон, до сих пор валяется, — сказала запыхавшаяся девушка.

— Да ничо... нормально... помоги привстать, — Колян сидел на асфальте придерживая одной рукой голову. — Дай-ка я его тоже рихтану.

Он подошёл к лежавшему, пару раз пнул его ногой с мстительным наслаждением и обратился к стоявшим рядом друзьям:

— Ладно, пошли — надо деньги на вечер найти.

— Я у этого проверил: у него карманы пустые, а в сумке — воночее шмотьё да перчатки боксёрские. Денег нет, — отчитался один из “дохлых”.

— Боксёр, что ли? Ха, ушатали боксёра!

Вся компания рассмеялась.

— Да есть деньги! Вон, у меня в сумке под подкладкой! — обрадовала компашку девушка.

— А чо концерт здесь устроила? — спросил Колян. — Общакоевское бабло решила стырить?

— Нечего было наезжать на меня! — оправдывалась Конченная. — Потом всё равно бы отдала.

Компания развернулась и медленно начала удаляться. Девушка поддерживала Коляна, а двое других пересказывали взахлёб, как они отмутузили боксёра.

Боря потихоньку поднялся. Боль в ахиллесовой пяте, из-за которой была проиграна битва, уже проходила, зато начинало болеть остальное тело; дамская туфля всё же один раз влетела в лицо, и под глазом начал наливаться синяк. Компашка ушла уже довольно далеко, их голоса были едва слышны. Боря запихал в сумку разбросанные вещи, застегнул её и набросил на плечо. Он был подавлен и смущён.

“Что пошло не так? Где же я ошибся?” — мучительно размышлял он.

И медленной походкой, прихрамывая, пошёл домой, а в голове отчётливо прозвучал голос тренера: “Боря, держи дистанцию!”